

и восточным славянам были разными: в Чехию и Польшу они проникли из Германии, в Россию скорее всего — из Болгарии (оригинал был греческий, может быть с некоторой дополнительной обработкой по еврейскому источнику).⁵⁶ Возможно, конечно, что, не будучи местом, где сложились интересующие нас переводные памятники, Западная Русь была в некоторых случаях посредником, через который Северо-Восточная Русь получила некоторые из них (например, сербскую «Александрию», «Стефанита и Ихнилата»)⁵⁷. Однако и это предположение мало вероятно, так как связь между развитием светской литературы в Западной и Московской Руси была весьма слабой и ряд беллетристических памятников, известных в белорусско-украинских версиях XV—начала XVI в. (повесть о Тоудале, западная редакция «Калилы и Димны»), в русскую литературу так и не проник. Непосредственно из Западной Европы (из Германии) проникает на Русь и «Прение живота и смерти».⁵⁸

Совпадения между репертуаром светской литературы в западославянских странах и в России не являются следствием прямого заимствования, и тем более заслуживают внимания, ибо они свидетельствуют о параллельности литературного развития этих стран в XV в. Совпадают не только сюжеты светской литературы, совпадает и их функция (за исключением «Прения живота и смерти», о котором мы будем говорить далее). И у западных, и у восточных славян романы об Александре и Троянской войне воспринимались как рыцарские романы; рядом с «высокой» рыцарской и утопической беллетристикой и там и здесь распространялась басенно-сатирическая беллетристика. О том, что литература беллетристического характера осознавалась на Руси как особенный, специфический жанр, свидетельствует и рукописная традиция; уже упомянутый нами текст конца XV в. Ефросин явно подбирал памятники подобного типа, поместив в одном сборнике сербскую «Александрию», «Сказание об Индийском царстве» и два варианта «Соломона и Китовраса» наряду с близкой к ним по жанру русской «Повестью о Дракуле».⁵⁹

Характер светской литературы и ее общественная функция были, таким образом, в XV в. сходны в западославянских странах и в России. Не все перечисленные памятники воспринимались как «отреченная литература» подобно «Соломону и Китоврасу», занесенному еще в XIV в. в индексы запрещенных книг, но все они, в сущности, были «неполезными

⁵⁶ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1. Пгр., 1921, стр. 244—249.

⁵⁷ О том, что списки так называемой сербской «Александрии» (все или только западнорусские?) могли восходить к каким-то переработкам сербской «Александрии» на белорусско-украинский язык, писал М. С. Грушевский (Исторія української літератури, т. V, стр. 107—109). Однако известен только один западнорусский список (точнее маленький отрывок — в 2 листа) сербской «Александрии», который может быть (и то предположительно) отнесен к концу XV в. (ГПБ, Q.XVII.257, лл. 1—2 об.). Для установления литературной истории сербской «Александрии» на восточнославянской почве необходимо исследование богатейшей рукописной традиции этого памятника (см. прим. 107—110); пока такого исследования нет, а работа С. Ю. Гаевского (Повість «Александрія» в українській літературі. До питання про сербську редакцію «Александрії». — Відбитка з Наук, Сбірника Істор. Секції ВУАН. Київ, 1928) опирается на поздние (за исключением одного) и случайные списки, оказавшиеся в украинских собраниях, и это обстоятельство совершенно обесценивает ее выводы. В одном из двух списков «Стефанита и Ихнилата» XV в. (ГИМ, Синод., № 367) эта повесть читается рядом с западнорусскими памятниками («Страсти Христовы» и т. д., ср. прим. 50 и 26), но западнорусских списков этого произведения мы не знаем.

⁵⁸ H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, H. 2—4, 1958.

⁵⁹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века, стр. 156—165.